

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 8 МАРТА

Допрос подсудимого БУЛАНОВА *

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Буланов, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Буланов. Да, подтверждаю. За годы работы у Ягоды в качестве личного секретаря и секретаря наркомата я приглядывал к нему со всех сторон. И в конце концов Ягода сделал из меня полностью преданного ему человека, и отношения которого он знал, что этот человек его не выдаст. И поэтому ни в разговорах со мной, ни в разговорах при мне с другими он не делал никаких секретов, не было никаких элементов конспирации. Отсюда моя осведомленность о преступлениях, которые мне известны от него.

О заговоре впервые я услышал от Ягоды в 1934 году. Постепенно отдельными беседами Ягода вводил меня в курс контрреволюционной работы. Оторванный от партийной жизни, я во всем ему слепо доверял.

Ягода как-то в разговоре сказал мне, что он, это значит — он и стоящие за ним правые, объединились с троцкистами и виновниками, что нормальным путем, путем легальной борьбы в партии, расчистить на какой-нибудь срок совершенно нечего, что для поддержания власти в их распоряжении остается единственное средство — это насильственный способ прихода к власти путем непосредственного вооруженного переворота.

Одну из главных ролей в перевороте, по его словам, должен был выполнять Енукидзе и вторая, пожалуй не менее важная роль, по его словам, должна была быть у Ягоды, плечи. У них была сфера влияния: Кремль — у Енукидзе, аппарат НКВД — у Ягоды. Сам Ягода в этот раз неоднократно мечтал, что в случае удачного переворота в будущем совнарком он должен был бы быть председателем.

Вышинский. Председателем совнаркома?

Буланов. Там. Партийная работа ложилась, по его определению, на Томского, Бухарина и Рыкова, причем Томский, по его предположениям и расчетам, как и Ягода, должен был остаться на роли руководителя профсоюзов. Секретарями ЦК должны были быть Рыков и Бухарин, причем Ягода подчеркивал, что, когда он будет председателем совнаркома, — роль секретаря ЦК при нем будет совершенно иной. Какой именно — я едва ли могу объяснить. Мне вспоминается в связи с этим параллель, которую Ягода проводил между будущим секретарем будущего ЦК Бухариным и Гельфандом. Должен сказать, что Ягода вообще сильно увлекался Гельфандом.

Он говорил о том, что Бухарин будет у него не хуже Гельфанда. Мысль такая, что Бухарин будет у него в руках маршальской и будет делать все, что ему, Ягоде, угодно.

Вооруженный переворот, по определению Ягоды, они приурочивали к обязательному к войне. Я как-то задал Ягоде недоуменный вопрос: Я, собственно, не понимаю — война, непосредственная опасность, напряженное положение и в это время правительственное потрясение — так на фронте дела могут вести и весьма пошатнуться. Ягода мне на это прямо сказал, что я наивный человек, если думаю, что они, большевики, пойдут на переворот, не договорившись с вероятными и неизбежными противниками СССР в войне. Протавниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачного переворота новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано, и военные действия будут прекращены.

Вышинский. На каких условиях?

Буланов. Я боюсь сказать точно, но у меня в памяти осталось нечто концепции и утопии.

Вышинский. Известно ли вам о том, что Ягода был, как член центра правых, связан с троцкистами?

Буланов. Совершенно очевидно, что Ягода был в самой тесной связи с лидерами правых. Он был связан и с троцкистами. Об этом я судил потому, что я был не раз свидетелем его непосредственных заданий по линии оперативной, которые он соответствующим лицам, ведающим определенной частью работы, давал, в той или иной мере, прямые или косвенные указания о неразрывности дел троцкистов, наоборот, о свертывании ряда дел и троцкистов, и правых, и янвиевцев.

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько фактов. Например, Ягода дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких-то рамок в своих показаниях.

Вышинский. Не припоминаете ли вы зловещую фигуру одного из предыдущих процессов, фигуру Дрейера? Какие о нем у Ягоды были отношения?

Буланов. Я помню, что несмотря на то, что соответствующий начальник отдела располагал совершенно конкретными, точными данными о продолжительной троцкистской деятельности Дрейера, Дрейер не был арестован.

Вышинский. Ягода знал о заговорческой деятельности Дрейера и прикрывал его?

Буланов. Совершенно точно.

Вышинский. А не помните ли вы другую фигуру одного из предыдущих процессов, не менее зловещую, фигуру Ивана Якивича Смирнова? Не известно ли вам, был ли в нем связан Ягода и не покрывал ли он его?

Буланов. Из фактов относительно Смирнова я знаю точно, что, когда Смирнов был в тюрьме, Ягода посылал Молчанова и через него дал указание

Смирнову, в каких рамках держаться в случае необходимости, когда от него потребуют те или иные показания. Это совершенно точно.

Вышинский. А не известно ли вам, что сделал Ягода, когда Смирнова из этой тюрьмы доставили в Москву?

Буланов. Я знаю, что Ягода нарушил свое обычное поведение. Он обычно в тюрьму не ходил, а по прибытии Смирнова ходил к нему.

Вышинский. Чем он там занимался?

Буланов. Я слышал его разговор с Молчановым о том, что за поведение Смирнова на суде он, Ягода, спокоен.

Вышинский. Значит, он его обрабатывал. Каково было отношение Ягоды к Каменеву после убийства Сергея Мироновича Кирова?

Буланов. Когда было вынесено решение об аресте Каменева и Зиновьева, Ягода послал меня арестовать Каменева.

Вышинский. С кем он вас посылал?

Вышинский. Кто такой Паузер?

Буланов. Начальник оперативного отдела.

Вышинский. И вместе с тем, что он? Буланов. Человек, целиком посвященный в заговорческие дела, и один из исключительных доверенных людей, который был связующим звеном с Енукидзе.

Вышинский. Не был ли Паузер германским разведчиком?

Буланов. Я узнал потом, что он был шпионом.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вам известно было, что Паузер — германский разведчик?

Ягода. Да. Известно.

Вышинский. Сидите. Значит, Паузер и вы, Буланов были посланы Ягодой арестовать Каменева. А Зиновьева кто должен был арестовать?

Буланов. По-моему, Молчанов и Волович.

Вышинский. Кто такой был Молчанов?

Буланов. Начальник секретно-политического отдела НКВД и член организации.

Вышинский. Какой организации? Подпольной организации правых?

Буланов. Да.

Вышинский. А Волович?

Буланов. Волович — заместитель начальника оперативного отдела, — известно, что он причастен к шпионажу.

Вышинский. Подтверждаете ли вы, Ягода, что Волович был также германским шпионом?

Ягода. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Буланов, как же вас инструктировал Ягода на предмет ареста Каменева и Зиновьева?

Буланов. Инструктаж был простой: привези, обмыва не делай. Это я и выполнял.

Вышинский. Вам не известно, где хранился секретный архив Рыкова?

Буланов. У Ягоды.

Вышинский. Заговорческий архив?

Буланов. Если бы он не был заговорческим, едва ли бы Рыков такое надежное место искал.

Вышинский. Самое надежное место для архива?

Буланов. Перехожу к покупке на жизнь Н. И. Ежова. Со слов Ягоды, решение об убийстве Николая Ивановича Ежова, т. е. центром, было принято исключительно с политическими целями. Это был один из этапов или одна из мер по обеспечению их от провала, как участников заговора, а, значит, и сохранения возможности осуществления и самого заговора. Причиной той роковой посылки, чтобы вынести такое решение, было то, что вскоре тут же, или вернее после убийства Кирова, Ежов по поручению ЦК ВКП(б) набрался за следствием. И я лично от Ягоды знаю, что тут же вскоре по все нарастающему темпе обострилось чрезвычайное беспорядочное Ягоды этой работы Н. И. Ежова. Ягода подчеркивал, что Ежов чрезвычайно быстро, как он говорил, осваивается и усваивает все особенности работы управления государственной безопасностью и что нет абсолютно никакой уверенности в том, что он, в конце концов, не придет прямо к раскрытию истинного положения вещей, к раскрытию заговора. Ягода, я знаю это опытно-таки из разговоров его с рядом начальников оперативных отделов и в то же время членом заговорческой организации, — неспешно все, чтобы дезинформировать Н. И. Ежова. Делалось все, чтобы затруднить работу Ежова. И все-таки к началу первой трети 1936 года Ягода сказал прямо, что у него абсолютно нет не только никакой уверенности, никакой гарантии, что Ежов не докопается до истинного положения вещей, но что, наоборот, он уже теперь убежден, что тот стоит настолько на верном пути, что нужны какие-то решительные меры, чтобы локализовать реально нарастающую опасность.

В первой половине 1936 года я узнал впервые, что в свое время Ягода было известно о том, как было организовано убийство Кирова. Ягода в состоянии большого раздражения бросил фразу: «Кажется Ежов докопается и до Ленинградского дела». Потом, спохватившись, хотя он обычно от меня ничего не скрывал, он предупредил меня об исключительной конспиративности этого сообщения, которое будет сделано, и лишний раз — в двукратный или в сорочный — пообещав в случае чего «откупать голову», — сказал, что ему было известно, что готовится покушение на С. М. Кирова, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все, — заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области Запорожцев, и что тот организовал дело так, что убийство Николая Кирова было обложено, производя, было сделано при помощи

попустительстве, а значит и содействии Запорожца. Я помню, что Ягода мельком рассказывал, ругая между прочим Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай, чуть ли не провала, когда по ошибке охрана за несколько дней до убийства Кирова задержала Николаева и что у того в портфеле была найдена записка Якинского и револювер, но Запорожцев вовремя освободил его. Ягода далее рассказывал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства переехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, — Запорожцев, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, — решил Борисова убить. По указанию Ягоды, Запорожцев устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потеряла аварию, Борисов был при этой аварии убит и таким образом они избежали от опасного свидетеля.

Опасность провала была настолько очевидной для них и реальной, что Ягода решил стать на путь более решительных действий, просто говоря, он решил убить Н. И. Ежова. Со слов Ягоды я знаю, что летом 1936 года он поручил другим лицам, не проходившим по этому делу, отравление квартиры, в которой жил Ежов.

Когда Ягода был снят с должности Наркома Внутренних Дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкали к кабинету в здании НКВД, там, где должен был работать Н. И. Ежов. Он дал мне лично, прямое распоряжение подготовить яд, а именно — взять ртуть и растворить ее в кислоте. Это было 28 сентября 1936 года. Это поручение Ягода и выполнил, раствор сделал. Оприскивание кабинета, в котором должен был работать Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожки, ковры и портьеры было произведено Саволайневым в присутствии меня и Ягоды. Это было 29 сентября. Ягода сказал мне, что это опрыскивание нужно делать 5—6 раз, что и было сделано. Я два или три раза приготовил больше флаконы этого раствора и передавал их Саволайневу. Распрыскивал тот из пульверизатора. Помню, что это был большой металлический баллон с большой грушей.

Должен еще добавить, что 28 сентября, когда был этот разговор, Ягода вынул из своего шкафика, где у него находилось много каких-то вещей, в частности пазлы, и передал мне две ампулы, по внешнему виду мне русского производства, сказал мне при этом: «Эти ампулы, которые нужно распылять одновременно с ртутным раствором. Я это передал Саволайневу и тот разбрызгал вместе с ртутным раствором».

Вышинский. Скажите, пожалуйста, Ягода вообще интересовался ядами?

Буланов. Исключительно.

Вышинский. В чем же выражался этот его особый интерес к ядам?

Буланов. Такая заинтересованность появилась у него, примерно с 1934 года.

Вышинский. Этот интерес — ядам был связан с его заговорческими действиями и планами?

Буланов. Совершенно определенно. Смысл такой был, что все средства хороши и переключаются в применении средств не следует.

Вышинский. И что при перевороте яд может сыграть важную роль?

Буланов. Он даже сказал, как мне помнится, — крошечную.

Вышинский. Кроме ядовитой подготовки отравления, направленного против Николая Ивановича Ежова, нам известны еще какие-нибудь преступления такого же рода, совершенные Ягодой и вами, или только Ягодой?

Буланов. Да, мне совершенно точно известно об умерщвлении Менжинского, Алексея Максимовича Горького и Максима Александровича Пешкова.

Вышинский. Расскажите об этих случаях коротко.

Буланов. Умерщвление А. М. Горького было предпринято Ягодой как одна из реальных мер к созданию условий успеха в случае удачного переворота. Ягода говорил, что, когда правые убедились, что Алексей Максимович не только пеликом и полностью разделял политику партии и правительства, но что и сам со свойственным ему энтузиазмом включился в строительство социалистического государства, что он пришел единодушно к выводу, что в случае удачного переворота Алексей Максимович полнотой открыто голос против них, а при том авторитете, который Горький имел во всех слоях населения в Советском Союзе, и при том его исключительном значении перед культурно мыслящими людьми на границе, этот бут — как Ягода говорил — Горького против новой власти был бы исключителен по своим последствиям. Поэтому они решили своевременно убрать Горького.

Со слов Ягоды, я знаю, что в этом преступлении принимал участие доктор Левин, профессор Плетнев и секретарь Горького — Крючков. Я лично несколько раз слышал, как Ягода инструктировал Крючкова о том, что он должен постараться простудить Алексея Максимовича.

Вышинский. А умерщвление Менжинского было произведено по прямым указаниям Ягоды?

Буланов. По указанию Ягоды. Причем должен сказать, если в умерщвлении Горького были, как он говорил, исключительно политические мотивы, то здесь и от него знаю о мотивах уже личного порядка.

Вышинский. То-есть?

Буланов. О личных мотивах человека, который хочет всеми средствами,

всеми путями сделать себе карьеру, т. е. ускорить освобождение поста, сделать пост Председателя ОГПУ вакантным, считая, очевидно, что при этом положении он, Ягода, единственная кандидатура на пост председателя.

Вышинский. Это ваш анализ?

Буланов. Конечно, здесь играли роль и политические мотивы. Центру правых, вообще заговорщикам, больше чем интересно было иметь во главе карательного органа своего человека, одного из своих лидеров, т. е. создать гарантию, почти полную возможность любые концы спрятать в воду.

В 1933 году он мне сказал прямо, что он решил ускорить, т. е. попросту говоря, уничтожить Менжинского, что он в этом делу приспосаблил доктора Левина, но что у Левина чего-то не вышло. А потом я от него узнаю точно, что он в качестве прямого исполнителя привлек доктора Казакова.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы слышали показания Буланова по поводу отравления Менжинского?

Ягода. Да, слышал.

Вышинский. После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать это участие?

Ягода. Нет, я подтверждаю свое участие.

Вышинский. Подсудимый Буланов, а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

Буланов. Конечно.

Вышинский. Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

Ягода. Признавая свое участие в болезни Пешкова, я хоталающую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание.

Вышинский. Я не возражаю.

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Крючков, поскольку вы подтвердили уже свои показания, данные на предварительном следствии, расскажите вкратце о ваших преступлениях.

Крючков. Я показываю свои подтверждения полностью. Я предательски убил Максима Горького и его сына — Максима Пешкова. Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влиянием его угроз.

Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода осведомил меня о предполагаемом государственном перевороте и о его, Ягоды, участии. Принимая это поручение, я стал участником контрреволюционной организации правых.

Я не могу, скрыть перед судом, как это я показывал и на предварительном следствии, что мои личные интересы, социальные, переплетались с политическими, полнотой этого преступления. В смерти Максима Пешкова и был лично заинтересован. Я полагаю, что со смертью Максима Пешкова я останусь единственным близким человеком к Горькому, человеком, к которому может впоследствии перейти большая литературное наследство Горького, которое даст мне в дальнейшем средства и независимое положение.

С Ягодой я познакомился в 1928 году. Никто не близкий связь установилась в 1931 г. В 1932 году мы стали встречаться чаще. Ягода часто разговаривал со мной, говорил мне об Алексее Максимовиче. Ягода выявлял мои политические настроения. Я не верил в силы индустриализации страны, я не верил в коллективизацию страны.

В 1932 году в разговоре со мной Ягода часто намекал мне, что ему известно, что я живу довольно широко и трачу сравнительно большие средства на себя.

Вышинский. Откуда у вас эти средства были?

Крючков. Я растрачивал большие деньги Горького, пользуясь его полным доверием. И вот это поставило меня в какую-то зависимость перед Ягодой. Я боялся того, что он знает, что я трачу деньги и совершаю уголовное преступление. Ягода стал пользоваться мной, чтобы войти в дом к Горькому, стать ближе к Горькому. Я ему помогал во всем.

В начале 1933 года Ягода в одном из разговоров со мной сказал, что Алексей Максимович может скоро умереть, что он стареет, что после смерти Алексея Максимовича распоряжением правительства наследством Горького останутся сын Макс. Вы же привыкли, говорит Ягода, жить хорошо, а оставаться в доме в роли приживальщика. Это замечание Ягоды смущило меня, и мое смущение заметил Ягода. На этом разговор и кончился.

В 1933 году, кажется весной, как я уже сегодня показывал, Ягода снова возобновил этот разговор со мной и тогда прямо ставил вопрос об устранении, точнее сказать, об убийстве Максима Пешкова.

Он тогда говорил мне так: дело тут не в Максиме Пешкове, необходимо уменьшить активность Горького, которая мешает «большим людям» — Рыкову, Бухарину, Каменеву, Зиновьеву. Разговор происходил в кабинете Ягоды. Он мне говорил также о контрреволюционном перевороте. Насколько я помню его слова, он говорил о том, что в СССР будет новая власть, которая вполне будет отвечать моим политическим настроениям. Активность М. Горького стоит на пути государственного переворота, эту активность нужно уменьшить. «Вы знаете, как Алексей Максимович любил своего сына Максима. Из этой любви он черпает большие силы», — сказал он.

Я ему сказал, что мешать ему — Ягоде — не собираюсь и спросил, что мне показывать, а что лично был заинтересован.

Подсудимый Буланов, вот вы нам кардинально здесь чудовищную картину ядра преступлений, совершенных вами под руководством Ягоды. Кто еще из руководителей «право-троцкистского блока» участвовал в этих преступлениях, по вашим данным?

Буланов. Мне Ягода говорил прямо, что решение об отравлении Ежова и умерщвлении Горького было принято Рыковым, Бухариным.

Вышинский. И Енукидзе?

Буланов. И Енукидзе само собой.

Вышинский. Словом, головкой «право-троцкистского блока»?

Буланов. Само собой понятно.

Вышинский. Подсудимый Рыков, известно ли вам о том, что было принято «право-троцкистским блоком» решение физически уничтожить Алексея Максимовича Горького?

Рыков. Нет.

Вышинский. А что вам известно было об этом?

Рыков. Мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и янвиевцы, чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решающим сторонником Сталина и генеральной линией партии. Поэтому, как он выразился, они считают необходимым в виду такого значения Горького, а значению его и за границей и у нас не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности.

Вышинский. Значит, Енукидзе говорил о необходимости ликвидировать политическую активность Горького?

Рыков. Да.

Вышинский. Каким образом и в каком смысле?

«Устранить Максима». И прибавил, что совет М. Максимовича полагал на Горького и следовало его безобидным стариком. В дальнейшем разговоре он мне сказал: была задача очень проста — начать спавать Максима. Он мне сказал, что для этого дела привлечены доктор А. И. Виноградов и доктор Левин.

Я принял поручение и приступил к подготовке убийства Максима Пешкова. Я начал спавать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве. Но все же крепкий организм Максима Пешкова не поддавался. И вот в 1934 году Ягода торопит меня, советует мне простудить Максима. «Вы, — говорит Ягода, — оставьте его как-нибудь полежаать на снегу». В марте или апреле, незадолго до основной болезни Максима Пешкова, я так и сделал. Но Максим Пешков тогда отделился небольшим насморком, 2 мая я, предвзвительно напав на Максима, и как здесь сегодня показывал доктор Левин, оставил его в саду на свежем воздухе на несколько часов. День был холодный, и с этого момента Максим заболел. 3 мая вечером Максим мне сказал, что ему нездоровится. Он смерил температуру, она была 38,6. Несмотря на это, я врача не вызвал. Утром вызвал доктора. Левин приехал и поставил диагноз, что у Максима в легкой форме грипп. При этом он отозвал меня и сторону и сказал, что вот вы добились того, к чему стремились.

Через несколько дней случайно к Алексею Максимовичу Горькому приехал доктор Бадмаев. Бадмаев осмотрел Максима Пешкова и сразу же определил крупное воспаление легких и удивленно спросил — что же Левин не осматривал его, что-ли? Когда Максим Пешков узнал, что он болен крупным воспалением легких, он попросил — нельзя ли вызвать А. Д. Сперанского, который часто бывал в доме Горького. Алексей Дмитриевич Сперанский не был лечащим врачом, но Алексей Максимович его очень любил и ценил, как крупного научного работника. Я сообщил об этом Левину. Левин на это сказал: ни в коем случае не вызывать Сперанского. Левин добавил, что он в скором времени придет вместе с доктором А. И. Виноградовым. И действительно, к вечеру они с доктором Виноградовым приехали. Доктор Виноградов, еще не видя больного, привез с собой какие-то лекарства.

7 или 8 мая Максиму Алексеевичу стало лучше. Я сообщил об этом Ягоде, Ягода возмущенно сказал: «Чорт знает что, здоровые закладывают, а тут больного не могут залечить». Я знаю, что после этого Ягода говорил с доктором Виноградовым и доктор Виноградов предложил дать Максиму Пешкову шампанского. Левин тогда сказал, что шампанское очень полезно пить, потому что у больного депрессивное состояние. Шампанское было дано. Максиму Алексеевичу и вызвало у него расстройство желудка при большой температуре.

После того, как расстройство желудка появилось, Виноградов лично — это я знаю изворника — дал больному слабительное, и выйдя из комнаты больного, сказал: «Для непослаженного ясно, что при такой температуре нельзя давать слабительное».

Консилиум, который был созван по настоянию Алексея Максимовича Горького, поставил вопрос о применении блокады по методу Сперанского, но доктор Виноградов, Левин и Плетнев категорически возражали и говорили, что надо положить еще немного. В ночь на 11 число, когда Максим уже фактически умерал, и у него появилась сыпь, решили применить блокаду по методу Сперанского, но сам Сперанский сказал, что уже поздно и не имеет смысла этого делать.

Итак, 11 мая Максим умер. Я уже показывал, а что лично был заинтересован.

Рыков. Он сорвал настолько в поминательных тонах, или резко враждебных выражениях, что мне было ясно (так как речь шла главным образом, со стороны троцкистско-янвиевской чашки, что за этим тоном кроется возможность применения и насильственных мер.

Вышинский. А что такое повести до насильственных мер? Можно понимать и до убийства?

Рыков. Конечно.

Вышинский. У меня есть вопрос к Буланову. Известно ли вам случаи, чтобы Ягода пересылал деньги Троцкому?

Буланов. О том, что Ягода снабжал Троцкого деньгами, я узнал от Ягоды не сразу. В 1934 году Ягода вынул меня и сказал, что 50 мне придет денег, которые он будет указывать. И он между прочим сказал, что этот человек является его прямой связью с Троцким, что Троцкий за последнее время испытывает очень большую нужду в деньгах, и что те суммы, которые я выдал и буду выдавать, идут непосредственно Троцкому. Действительно, этот человек являлся на протяжении 1934—1936 гг. четыре пять раз, и я ему выдавал деньги каждый раз, получая, конечно, от Ягоды распоряжение о выдаче.

Вышинский. 20 тысяч долларов? Для чего и для кого?

Буланов. Я никогда не спрашивал Ягоду, зачем и для чего. Я этому человеку деньги выдал. Когда на другой день я доложил о том, что это распоряжение выполнено, тогда Ягода мне сказал, что этому человеку мне придется и впрямь давать те суммы денег, которые он будет указывать.

И он между прочим сказал, что этот человек является его прямой связью с Троцким, что Троцкий за последнее время испытывает очень большую нужду в деньгах, и что те суммы, которые я выдал и буду выдавать, идут непосредственно Троцкому. Действительно, этот человек являлся на протяжении 1934—1936 гг. четыре пять раз, и я ему выдавал деньги каждый раз, получая, конечно, от Ягоды распоряжение о выдаче.

Вышинский. Каким образом и в каком смысле?

Я выдал еще прибавить. Когда был разговор Ягоды со мной об убийстве Максима Пешкова, он мне сказал: «Петр Петрович, я в два счета могу отстранить вас от Горького, вы в моих руках. Малейший неосторожный шаг по отношению ко мне повлечет для вас более, чем неприятные последствия».

Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление — на убийство Горького. Ягода поставил прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького. Я заколебался, стал уклоняться от исполнения этого поручения. Ягода сказал, что он не оставит меня перед тем, чтобы разоблачить меня, как убийцу Максима Пешкова. При этом Ягода дал мне недвусмысленно понять, что если я выдумал остаться на него — из этого ничего не выйдет. «Следствие ведь будет вести мой люд», — заметил Ягода. И я пошел на это преступление. Левин сегодня показывал, как и простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, то-есть я спрашивал совета Левина. Зиму 1935—36 гг. Максим Горький проводил в Крыму в Тессали. Я жил в Москве, но каждые три недели, месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки Алексея Максимовича, а организовывал постоянные сигналы костров. Дым костров, естественно, действовал на разрушение легких Горького. И в это время, в период 1935—36 гг., Горький в Крыму не отдохнул, а, наоборот, установился в Москву.

Возвращение его в Москву было организовано или, вернее, ускорено Ягодой, который как с убийством Максима Пешкова, так и с убийством М. Горького торопил меня. Когда я был в Крыму, я по телефону говорил с Ягодой. Ягода меня торопит, говорит: необходимо привести в Москву Горького, — не время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому о поезде в Москву, Горький соглашается, собирается ехать и, приблизительно, 26 мая 1936 года Надежда Алексеевна Пешкова, вдова Максима Алексеевича Пешкова, позвонила по телефону, сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, потому что в Москве холодная, к тому же внучка Алексея Максимовича, то-есть ее дочери, накопившая в Москве, большым гриппом при довольно высокой температуре.

Через день или два я опять разговариваю с Ягодой. Ягода говорит мне, что внучка совершенно здорова, поправилась и необходимо уговорить Алексея Максимовича ехать. Я Алексею Максимовичу передал это. Я Алексею мне выехали в Москву. 31 мая немедленно приехал Алексей Максимович стивительно болен гриппом, температура была повышенной и он 31 мая заболел. 31 мая вечером был вызван доктор Левин. Левин определил небольшой грипп, но 2 июня сам Алексей Максимович, разговаривая со мной утром, спросил: «Что говорит врач?»

Я ответил: «Грипп», а он говорит: «По-моему, у меня начинается воспаление легких, я вижу по морщине». Я тогда позвонил Левину. Левин приехал и с диагнозом, поставленным самим больным, согласился немедленно. После этого началось лечение в кавказках. Лечение Горького профессор Плетнев и должен сказать, что критическое значение сыграло то, что Горькому давали диалект, о чем у суда данные имеются. Если до 8 июня 1936 года Максим Горького все же был ровный и дохлый, кажется, до 130 ударов в минуту, то после принятия диалекта пульс сразу стал давать резкие скачки, до 160 ударов и выше.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос подсудимого НАЗАНОВА

ОКОНЧАНИЕ

Председательствующий Ульрих (после перерыва). Эксперты могут дать заключение по дополнительным вопросам прокурора?

Эксперт проф. Бурмин. Да, она готова (записывает).

ОТВЕТЫ МЕДИЦИННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

Вопрос: Был ли какой-либо контроль и мог ли быть этот контроль при приговоре лизатов И. Н. Назанова?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, ибо в то время (в 1933 и первой половине 1934 года — время лечения Назановым покойного товарища Менжинского) метод приговора лизатов был Назановым абсолютно закреплён.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Назановым лизатов пиявочной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья товарища В. Р. Менжинского?

Ответ: Применение указанных лизатов (пиявочной железы, придатка

мозга и мозгового слоя надпочечников) при тяжёлом сердечном заболевании, которым страдал покойный В. Р. Менжинский, было недопустимо и этого не мог не знать И. Н. Назанов.

Вредные действия этих лизатов в данном конкретном случае усугублялись тем обстоятельством, что В. Р. Менжинскому в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов было усилено.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

ЭКСПЕРТЫ: Заслуженный деятель науки — профессор Д. А. БУРМИН, Заслуженный деятель науки — профессор Н. А. ШЕРЕШЕВСКИЙ, Профессор В. Н. ВИНОГРАДОВ, Профессор — Д. М. РОССИЙСКИЙ, Доктор медицинских наук — В. Д. ЗАПАЛОВ.

9 марта 1936 г.
г. Москва.

Вышинский. Я прошу разрешения огласить показания подсудимого Назанова, имеющиеся в т. № 19 на листах 68 и 69, где он изложил содержание формулы № 2 и показал следующие: «Поэтому в эту формулу входила уже три симпатизировавших лизата — лизат пиявочной железы, мозгового слоя надпочечников и придатка мозга, причем при повышенной дозе приема внутри процесс ослабевал и истощения вазомоторных сил больного сердцем Менжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов с сердечными лекарствами, начал резко нарастать, в ночь с 9-го на 10-е мая Менжинский скончался при являвшихся у него сердечной деятельности».

Подсудимый Назанов, вы и сейчас соглашались с тем показанием, которое было дано раньше?

Назанов. Согласен и подтверждаю полностью.

т. Н. И. Ежова, его воровство было признано значительным ущербом, если бы это преступление не было своевременно раскрыто, то жизнь тов. Н. И. Ежова угрожала бы непосредственной опасностью.

Ответ: Да, следует считать установленным, что в результате примененного обвиняемым Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способа постепенного отравления тов. Н. И. Ежова его воровство было признано значительным ущербом и если бы данное преступление не было своевременно раскрыто, то жизнь тов. Н. И. Ежова угрожала бы непосредственной опасностью.

Заслуженный деятель науки — профессор Д. А. БУРМИН, Заслуженный деятель науки — профессор

Н. А. ШЕРЕШЕВСКИЙ, Профессор В. Н. ВИНОГРАДОВ, Профессор — Д. М. РОССИЙСКИЙ, Доктор медицинских наук — В. Д. ЗАПАЛОВ.

Председательствующий Ульрих. Тов. прокурор, у вас есть вопросы к экспертизе?

Вышинский. Только один — являются ли ответы на эти вопросы единственными мнениями всей экспертизы или кто-нибудь из экспертов имеет особую точку зрения?

Проф. Бурмин. Единственным.

Председательствующий Ульрих. Есть какие-нибудь дополнения, вопросы?

Вышинский. К экспертизе у меня нет вопросов. Есть вопросы к отдельным подсудимым.

Председательствующий Ульрих. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, как видно из акта, находящегося в томе № 6 на листе дела 17, при аресте Розенгольца у него был обнаружен в кармане кармане бронежилет и материя маленького кусочек сухого хлеба, завернутый в обрывок газеты, и в этом кусочке хлеба листок с рукописной запиской, который оказался при осмотре запиской молоткам. Я хочу просить суд разрешить мне огласить некоторые места этого текста так называемой молотки и просить подсудимого Розенгольца дать по этому поводу свое объяснение.

Вот этот текст: «Да воскреснет бог и расточится враги его и да бжеет от лица его все ненавидящее его, яко исчезает дым да исчезнет, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих бога...»

Живя в помощи высшего и в крови бога небесного, возводимых речам господней: вступил мой ося и приближился мое, бог мой и уповая на него яко той любовью ты от сети лови и оловеса митяжа племна своим осянети и ты и подкрыле его надеждою. Оружием обидит ты истина его. Не убоишься от страха ночного от стрелы летящая во дни, отведи во тьме предопределенная и подстрекающая беса полуденного...»

Как это стало вам в карман? Розенгольц. Однажды этот небольшой пакетик, перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский. А когда было это дело? Розенгольц. За несколько месяцев до ареста.

Вышинский. И вы несколько месяцев носили это «счастье» в кармане?

Розенгольц. Я даже не обращал внимания.

Вышинский. Все-таки вы видели, что ваша супруга делает?

Розенгольц. Я торжествую.

Вышинский. Но нам было сказано, что это семейная тайна на счастье?

Розенгольц. Примерно в таком роде.

Вышинский. И вы согласились стать хранителем тайны? У меня больше вопросов нет.

Председательствующий Ульрих. После часового перерыва заседание суда будет происходить при закрытых дверях.

Беспощадно уничтожить подлую банду провокаторов, шпионов и убийц!

ЕЩЕ ЗОРЧЕ БУДЕМ ОХРАНЯТЬ ГРАНИЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(На митинге трудящихся ст. Негорелое)

Больше тысячи колхозников, рабочих и служащих железнодорожников ст. Негорелое собрались на митинг по поводу процесса над бандой оверных убийц и диверсантов Бухарина, Рыкова и остальных мерзавцев.

На митинге выступил стахановский машинист тов. Чалый, который заявил: «Нет и не может быть другой меры наказания, как расстрел для этой огосподившей банды фашистов. Подлым гадом нет места на советской земле. Их надо уничтожить!»

В принятой резолюции трудящиеся

ст. Негорелое благодарят славных народомучеников, во главе с тов. Ежовым, за то, что они разгромили правотроцкистскую шайку бандитов. Митинг единодушно требует от Военной Коллегии Верховного Суда стереть с лица земли фашистскую гадюку.

«Трудящиеся пограничного сельсовета Негорелое, — говорится в резолюции, — еще зорче будут помогать пограничникам охранять границы Советского Союза, будут беспощадно разоблачать и выкорчевывать до конца врагов народа».

СМЕРТЬ ПОДЛЫМ ФАШИСТСКИМ ВЫРОДКАМ

(Из резолюции митинга колхозников сельхозартели «Авангард», Бельского сельсовета, Полоцкого района)

Чувство глубокого презрения и ненависти вызывает матерой шпион, агент польской разведки — руководитель белорусской национал-фашистской банды Шарангович. Этот изверг по указанию польского генерального штаба и «право-троцкистского блока» делал все для того, чтобы принести как можно больше вреда белорусскому народу.

Мы сами пережили результаты гнусных деяний преступника и изменника. По заванию этой шайки нашему колхозу доводилось увеличивать планы по разведению животноводства, не соответствующие кормовой базе. Это приводило к массовому падежу скота, снижению удоя и срыву выполнения молокопоставок. Эта банда всячески запугивала советских колхозников, старалась сорвать строительство в нашем колхозе.

Презренная банда хотела оторвать Советскую Белоруссию от великого свободного Советского Союза и продать белорусский народ польскому фашизму. Но никогда этому не было! Никому в мире никогда не удастся нарушить братскую дружбу народов. Советская Белоруссия была, есть и будет неотъемлемой частью Союза ССР.

Смерть предателям родины, смерти подлым фашистским выродкам!

Снижению удоя и срыву выполнения молокопоставок. Эта банда всячески запугивала советских колхозников, старалась сорвать строительство в нашем колхозе.

Презренная банда хотела оторвать Советскую Белоруссию от великого свободного Советского Союза и продать белорусский народ польскому фашизму. Но никогда этому не было! Никому в мире никогда не удастся нарушить братскую дружбу народов. Советская Белоруссия была, есть и будет неотъемлемой частью Союза ССР.

Смерть предателям родины, смерти подлым фашистским выродкам!

Проклятие и позор врачам-бандитам

Перед советским судом стоит рядом со шпионами и диверсантами из «право-троцкистского блока» ничтожная кучка выродков, носивших маски врачей.

Врачи-бандиты Плетнев, Казаков, Левин, воспользовавшись общественным доверием, умертвляли благородных сынов нашей родины Горького, Менжинского, Куйбышева.

Презрение и ненависть пылают в наших сердцах к этим подлым извергам и человекоубийцам.

Уродлива помыта этих врачей-извергов оправдать свои гнусные дела трусостью, давлением со стороны. Врач всегда на своей работе подвергается опасности умереть от заразной болезни. Но разве это удерживает нас от выполнения своего долга перед народом?

Напрасны увертки! Проклятие и позор врачам-бандитам, продавшим и честь и знания, продавшим народное доверие презренной право-троцкистской банде!

Требуем от Верховного Суда применения высшей меры наказания ко всей гнусной банде убийц и шпионов, стоящих перед судом.

Медицинские работники еще теснее сплотятся вокруг нашего советского правительства, вокруг партии большевиков и любимого вождя и друга трудящихся товарища Сталина.

Медработники клинического горки:

Профессор терапии С. М. МЕЛНИХ, Профессор-хирург Ю. М. ИРГЕР, Врач-терапевт Ю. Н. МАНЦ, Главарка клинического горки М. И. КОВАЛЕНКО.

РАССТРЕЛЯТЬ БЕШЕНЫХ СОБАК!

(Из резолюции собрания колхозников колхоза им. Молотова Александровского сельсовета, Шлиновского района)

Шлем свое проклятие бандитам и шпионам из «право-троцкистского блока», которые хотели закабалить наш свободный народ и восстановить в нашей стране власть капиталистов и помещиков.

Полные враги, шпионы иностранных государств, которые так много навредили нашему хозяйству, Красной Армии, должны понести заслуженную кару. Мы требуем от пролетарского суда расстрелять этих бешеных фашистских собак!

Большое колхозное спасибо славным народомученикам во главе со сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, которые воюют охраняют наш мирный труд и не дают врагу проводить в жизнь свои гнусные коварные замыслы.

Мы еще зорче будем помогать славным чекистам выкорчевывать вражеские гнезда шпионов и диверсантов.

ВЫКОРЧУЕМ ДО КОНЦА ВРАГОВ НАРОДА

(Из резолюции колхозников колхоза «Чирвоны прымыжы», Овесьного района)

Мы, колхозники, выражаем свою ненависть к презренным троцкистско-бухаринским бандитам, шпионам, к этой своре фашистских агентов, которые стремились проглотить капиталистам нашу счастливую жизнь. Мы требуем от советского правосудия приговорить к расстрелу оверных бандитов.

Мы еще больше объединимся вокруг нашей партии, советского правительства и любимого товарища Сталина. Совместно с органами НКВД, под руководством сталинского наркома тов. Ежова, мы выкорчем до конца всех врагов народа.

ВРАГИ ТРУДЯЩЕГОСЯ КРЕСТЬЯНСТВА

(Из резолюции митинга колхозников и единоличников Климовичского сельсовета, Гомельского района)

Простым советским суд стереть с нашей земли право-троцкистскую банду убийц, шпионов и диверсантов. Лютые враги народа Бухарин, Рыков, Ягода, Шарангович и остальные бандиты должны расстрелять иностранному капиталу нашу любимую родину, отдать в казну фашистским извергам наш счастливый советский народ.

Завернем партию и правительство, что по первому зову мы, колхозники, как и весь советский народ, станем на защиту священных границ страны социализма и будем громить врага там, откуда он к нам придет.

И. о. ответственного редактора Е. Л. СТОЛИН.

ОТКЛИКИ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ НА ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

АВСТРИЯ

ВЕНА, 9 марта (БЕЛТА). Все венские газеты помещают на видном месте сообщения ТАСС о ходе процесса антисоветского «право-троцкистского блока». Заголовки отражают возмущение широкой общественности в связи с показаниями об умерщвлении троцкистско-бухаринских бандитов А. М. Горького. Газета «Нейе фрейе пресс» пишет: «Потрясающие показания врачей, которые лечили Максима Горького».

ШВЕИЦАРИЯ

ВЕНА, 9 марта (БЕЛТА). Орган швейцарской компартии «Фрейхеит» в сообщении о показаниях Бухарина на процессе антисоветского «право-троцкистского блока» констатирует: «Бухарин пытался уклониться от прямых ответов тов. Вышинскому. Однако путем перекрестных вопросов он вынужден был признаться в своих преступлениях». Далее в сообщении говорится: «На процессе выявилось с полной ясностью, что Бухарин и Рыков были информированы о польской шпионской организации в Белоруссия».

ИСПАНИЯ

ВАРСЕЛОНА, 9 марта (БЕЛТА). Орган каталонского Всеобщего рабочего союза газета «Нотисас» помещает редакционную статью под заголовком: «Троцкий — агент фашизма». В статье говорится, что процесс над главари правотроцкистского «право-троцкистского блока» имеет значение для всех испанских антифашистов. «Не в первый раз, — пишет газета, — в СССР раскрываются заговорнические контрреволюционные центры. Советский Союз оказывает огромное влияние на жизнь этой банды, величайшего презрения».

ФРАНЦИЯ

ПАРИЖ, 10 марта (БЕЛТА). Процесс антисоветского «право-троцкистского блока» продолжает привлекать внимание французской общественности. Большинство газет воспроизводят отчеты о процессе, передаваемые агентствами Гавес. «Виктуар» по поводу сообщения о показаниях Максимов-Диковского, Плетнева и Казакова публикует заметку под заголовком: «Небывало личное признание врачей-убийц». «Реймский» воспроизводит сообщение под заголовком: «Заявления подсудимых и доклад медицинской экспертизы подтверждают роль, которую играл Ягода».

Жорж Колье в «Юманите» пишет, что, к сожалению, на самые подлые преступления Троцкого нет главного преступления — Троцкого. «Итересом культуры, равно как интересом свободы и мира, требуют сурового возмездия преступникам», — заключает Колье.

Коллея в своей статье подчеркивает, что право-троцкистские бандиты не имели никаких корней в массах советского народа, который относится к ним с величайшим презрением.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: г. Минск, ул. Карла Маркса, 3. Телефоны: зам. ответственного редактора — 21-420; секретариат — 21-472; сельхозотдел — 24-406; отдел писем — 21-173; отделы культурный и сельского строительства — 21-175; издательство и отдел объявлений — 24-801.

Уполн. Главлитбела № С-3419.

Типография «Звезда», г. Минск, Советская, 63.

Тираж 65.000